

Они получили одинаковые побои.

Непослушный ребёнок уже уплетал обед, а послушный мальчик сидел голодным.

Игла для внутривенных вливаний торчала в сосуде, и страдающий от обезвоживания маленький Цзямин лежал под капельницей, а дедушка Ни сидел рядом с мрачным лицом.

После разделения земли между крестьянскими дворами у каждой семьи появился свой наделок для выращивания овощей, что и составляло главный источник дохода семьи Ни.

А тот папаша-пьяница не задерживался ни на одной работе, целыми днями скитался туда-сюда и лишь изредка брался за случайные подработки.

Дедушка Ни испытывал жгучее чувство стыда: если бы тогда не его собственный эгоизм и ложное алиби, которое он обеспечил этому непутёвому сыну, маленький внук не подвергся бы таким издевательствам. Но и ладонь, и тыльная её сторона одинаково плоть от плоти его, разве мог он пойти на то, чтобы отправить родного сына за решётку...

Да, папаша Ни был именно тем преступником, который напал на студента.

— Дедушка...

Маленький Цзямин медленно открыл глаза и перевёл взгляд с потолка по сторонам.

— Проснулся? Как себя чувствуешь? — дедушка Ни поднялся на ноги и участливо заглянул внук в глаза.

— Я в порядке...

Ребёнок был на редкость смышлёным: хоть ему и было плохо, и жутко тоскливо, он всё равно не хотел волновать деда.

— На, попей водички, — подойдя ближе, врач Цзинь бережно приподнял маленького Цзямина.

Малыш немного поспал, капельница почти закончилась, и врач Цзинь извлёк иглу из кожи на голове. Старик одной рукой прижимал пластырь на месте укола, а другой принимал лекарство.

— Два раза в день, по одному флакону за раз. Пей больше воды и бережись солнечного удара.

Врач Цзинь хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Даже честным чиновникам трудно разобраться в семейных дразгах, чего уж говорить о нём — постороннем человеке.

— Сколько с нас? — позволив маленькому Цзямину самому придерживать пластырь на капельнице, дедушка Ни полез в карман и извлёк оттуда горсть мятых бумажных купюр.

— Пятнадцать юаней.

— Пятнадцать... Как раз. Ладно, мы тогда пойдём. Извините, что побеспокоил вас во время обеда.

— Что ты говоришь, ступайте осторожнее.

— Хорошо...

Дедушка Ни взвалил маленького Цзямина себе на спину и вышел из дома врача Цзиня.

Всю дорогу дед с внуком молчали, надеясь лишь на то, что путь домой продлится как можно дольше.

Отец-пьяница всё ещё мертвецки спал. Возвращаясь с внуком на спине, старик прошёл мимо приоткрытой двери его комнаты.

Стоило маленькому Цзямину завидеть отца, как его дыхание невольно участилось.

— Проголодался? Дедушка пойдёт стряпать, а ты отдыхай.

Дед с внуком издавна делили одну комнату на двоих. Едва дедушка вышел, маленький Цзямин через силу сполз с кровати, дрожащими руками затворил дверь, а затем испуганно сжался в комочек в самом дальнем углу.

— Пьешь, пьешь, пьешь, чтоб ты сдох от своей водки! — порой дедушке Ни до скрежета зубов хотелось, чтобы этот пьяница просто сгинул у него с глаз.

Мяса в доме не осталось, пришлось варить пожиже кашу из зелени да батата — перебиться хоть как-то, а там видно будет.

— Старый чёрт, жратва готова?! — проголодавшись, отец-пьяница проснулся и шатающейся походкой ввалился на кухню.

— Жри землю! Не больно-то охота лакать пойло? Проваливай на все четыре стороны и нажрись там до упада, да чтоб духу твоего здесь не было! — дедушка Ни схватил тесак для овощей и, резко развернувшись, рявкнул на непутёвого сына.

— Эй! Я вообще-то твой сын! — хоть хмель выветрился лишь на треть, кухонный нож он всё-таки узнал.

— Ха, ещё хватает совести заикаться о сыне! Цзямин — твой сын! И как ты с ним обращался, достоин ли ты называться отцом?!

Тесак яростно рассекал воздух, выглядело это и впрямь пугающе.

— Мелкий сорванец не слушается, подумаешь, отлупил! Подумаешь!

— Подумаешь?! Он чуть не отдал концы в твоих проклятых руках, ублюдок! Если ты ещё хоть пальцем его тронешь, я эту свою никчёмную жизнь положу, а тебя сгною!

Дедушка Ни наступал шаг за шагом, а пьяница, пошатываясь, пятился назад — обед явно не задался.

Услышав из комнаты ругань и крики доносившиеся снаружи, маленький Цзямин от страха залез под кровать и забился в мелкой дрожи.

— Старик, ты что, всерьёз собрался? Дурилка картонная, да я тебя не боюсь! Ну давай, руби! Руби меня до смерти! — пьяное море по колено, и хотя он трусил до смерти, храбриться в родных стенах у него получалось отлично.

— Ах ты... — от гнева у дедушки Ни затряслись руки. По правде говоря, разве мог он поднять на него руку? — Мерзавец, вон отсюда!

— Тц, старый маразматик! Да больно надо мне твоё хрючево! Уйду, и не проси! — он с грохотом распахнул дверь ударом ноги и вывалился наружу.

— Негодяй...

Дедушка Ни опустился на корточки и горько заплакал; рука его разжалась, нож со звоном рухнул на пол...

Внезапная тишина встревожила маленького Цзямина. Поколебавшись секунду-другую, он всё же набрался храбрости, выполз из-под кровати, осторожно приоткрыл дверь, чтобы оглядеться, а убедившись, что всё тихо, с замиранием сердца вышел наружу.

Ни отца, ни в комнате, ни в гостиной не оказалось, и это принесло маленькому Цзямину долгожданное облегчение.

— Дедушка...

Короткие объятия, и две израненные души согреваются друг друга.

<http://bllate.org/book/21876/2271565>